

Г. П. БАРСАНОВ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА В. М. СЕВЕРГИНА

В год смерти великого русского ученого М. В. Ломоносова в семье придворного музыканта, «вольного человека» Михайлы Севергина 8 апреля родился сын Василий, которому суждено было стать прямым продолжателем научных направлений и идей, заложенных М. В. Ломоносовым в области минералогии. В. М. Севергину, академику и выдающемуся ученому, работавшему на историческом рубеже XVIII и XIX вв., принадлежит бесспорная заслуга создания в нашей стране основ минералогии как самостоятельной науки, с ясно очерченными задачами и перспективами дальнейшего ее развития.

Биографические данные о семье и происхождении В. М. Севергина крайне скудны: остается неизвестным, кто была его мать, откуда и из какого сословия происходил отец. Относительно последнего известно только, что в год поступления Василия Севергина в академическую гимназию он числился при дворцовой коллегии «придворным музыкантом». В Архиве Академии наук СССР сохранился ответ на запрос Сената¹: «Дело № 108 в ответствовании на запрос правительственного Сената Герольдмейстерской конторы о службе и прохождении чинами минералогии профессора Василья Севергина. Октябрь 10, 1797 года». В ответе, за подписью «чина канцелярии» Павла Бакунина, сообщается, что Василий Севергин, российский подданный, сын придворного музыканта, принят в академическую гимназию в 1776 г., и далее указывается «прохождение чинов» до 1797 г.

Однако в Архиве АН СССР нам удалось разыскать еще два документа, из которых следует, что у В. М. Севергина был младший брат — Павел Севергин и что отец его в 1798 г. был на службе уже в звании «придворного комиссара», т. е. по каким-то причинам оставил занятия в придворном оркестре. Первый документ² — это прошение В. М. Севергина, тогда уже академика, датированное ноябрем 1798 г., в котором он просит: обучающегося в академической гимназии с 1792 г. гимназиста Павла Севергина, как «достигшего нарочитых лет» и желающего «вступить в действительную Его Императорского Величества службу», из гимназии уволить со званием студента гимназии, для определения «к настоящей должности». Из этого документа следует, что, по-видимому, Павел Севергин не оказался достаточно способным к научной деятельности и ушел на военную службу. В аттестате, выданном ему при увольнении, находим данные о новом

¹ Архив АН СССР, разр. V, оп. 1-С, № 9, на 38 листах.

² Архив АН СССР, разр. V, оп. 1-С, № 9.

служебном положении Севергина-отца: «Аттестат. По указу Его И. В., императорской Академии наук из канцелярии дан сей студенту Павлу Севергину в том, что он, придворного комиссара сын, принят в гимназию оной Академии на казенное содержание гимназистом 1792 года, октября 4-го дня...» и т. д. Далее говорится, что он обучался языкам, истории и другим наукам с прилежанием и уволен по прошению для поступления на действительную службу со званием студента. Таким образом, отец В. М. Севергина, Михаил Севергин, «вольный человек», начав службу во Дворцовой коллегии в качестве придворного музыканта, к 1798 г. получил должность придворного комиссара. Как известно, комиссары при коллегиях (в том числе и при Дворцовой коллегии) в XVIII в. были приравнены к мелким чиновникам 14-го класса. Звание «придворного комиссара» могли иметь библиотекари, кухонные мастера и другие мелкие дворцовые служащие. Быть может, как музыкант, отец В. М. Севергина получил эту должность вместе с обязанностью надзора за нотной библиотекой дворца, однако достоверных сведений об этом нет.

В «Истории Государстве Российского» Н. М. Карамзина (т. VIII) есть попытка произвести фамилию Севергиных от казачьего атамана XVI в. Северги. М. Н. Сухомлинов указывает на носителя этой фамилии — дворянина Павла Васильевича Севергина (1697—1752), петербургского жителя, пожалованного в 1737 г. обер-секретарем Сената (см. также «Петербургский Некрополь», т. IV, 1913 г.). Однако вряд ли эти догадки относятся к предкам или родичам В. М. Севергина. Вероятнее, что отец его был из сословия «вольных крестьян» или городских «служилых людей», так как профессиональное занятие музыкой в то время считалось «низким» делом, недостойным звания дворянина.

Как бы то ни было, но отец В. М. Севергина был, несомненно, культурным и грамотным человеком. Стремясь дать сыну образование, он сумел подготовить его по русской грамоте, арифметике, рисованию, а кроме того, по трем иностранным языкам — латинскому, немецкому и французскому и 11-ти лет отдал его (в 1776 г.) в академическую гимназию: «Представленного от вольного человека Михайлы Севергина сына его малолетняго Василья, который, сверх российской грамоты, обучен уже им несколько латинскому, французскому и немецкому языкам, также арифметике и рисованию и желает начатое им не только далее продолжать, но притом обучаться также и другим, по склонности его, преподаваемым в академической гимназии знаниям и наукам, на собственном отца его содержании, отослать в оную гимназию; и вследствие того о допущении его, Василья Севергина, в помянутую гимназию для обучения в вышеупомянутых науках и языках на основании обучающихся при оной вольных на собственном содержании учеников, дать инспектору гимназии Бакмейстеру с сей резолюции копию».¹ Благодаря блестящим способностям и основательной подготовке В. Севергин был одним из лучших учеников. По рекомендации директора гимназии академика И. Лепехина он в 1782 г. был переведен на казенное содержание и через два года успешных занятий произведен в студенты академического университета.

Научное мировоззрение В. М. Севергина в годы учения, несомненно, формировалось под влиянием выдающегося русского натуралиста академика И. Лепехина, бывшего ректором гимназии и университета. Ученик М. В. Ломоносова и С. Крашенинникова, И. Лепехин был ярким представителем русской школы натуралистов того времени, воспитанных на материалистических традициях, исходящих из непосредственного и точного

¹ Архив АН СССР. Журнал академической комиссии от 5 сентября 1776г., № 487.

наблюдения природных явлений. Эти традиции, поддерживаемые и развиваемые также другими выдающимися учеными, воспитывавшими университетскую молодежь, — П. Палласом, Н. Соколовым, И. Георги, оказали решающее влияние и на В. М. Севергина, благодаря чему уже к началу своей научной карьеры он пришел свободным от схоластических и метафизических взглядов на естествознание. Еще будучи в университете, под влиянием свежих воспоминаний о деятельности М. В. Ломоносова, передаваемых его учениками, а также, несомненно, книг и трудов его по геологии и горному делу, которые не могли остаться неизвестными, В. М. Севергин выбирает своей специальностью минералогию, которой и остается верным всю свою дальнейшую жизнь.

По обычаю того времени наиболее способных студентов по окончании университета отправляли «для усовершенствования в науках» за границу. В. М. Севергин, зарекомендовавший уже себя «примерными успехами в науках», привлек особое внимание директора Академии наук Е. Р. Дашковой и, по представлению своего учителя И. Лепехина, поддержавшего стремление В. М. Севергина совершенствоваться в области минералогии, был в числе других даровитейших молодых ученых послан в Геттинген (1785). Для характеристики научного мировоззрения того времени и постановки образования в Академии наук чрезвычайно интересны те наставления, которые В. М. Севергин и другие отправлявшиеся за границу молодые люди получили от крупнейшего натуралиста и своего учителя И. Лепехина.

Среди восьми пунктов, точно определявших нормы поведения, характер отчета о занятиях и т. д., были следующие¹: «Предписание, данное из императорской Академии наук отправленному от оныя в иностранные университеты для довершения науки студенту Севергину, как ему себя в оных вести, и чему именно обучаться...

3)...Но как по собственному твоему избранию и по склонности твоей посылаешься ты для изучения минералогии, то, во-первых, надлежит тебе прилагать старание о нужных и намерению твоему способствующих знаниях; а именно:

А) Довольное познание физики к дальнейшим успехам твоим должен ты почитать за основание.

В) Непременно нужно тебе приобрести основательное знание физической географии.

С) Хотя главный предмет упражнений твоих составляет рудословие, однако должен ты стараться снискать знание и в других царствах природы.

Д) На химию, а особливо металлургию, не менее должен ты употреблять рачения; ибо без сей последней не можешь ты достичь твоего намерения.

Е) Когда допустит тебе случай видеть разные собрания минералов, то редким из них должен ты делать краткие для себя описания и замечания о местах, где таковые находятся.

Ф) Когда прилучится тебе быть на рудниках или металлических заводах, то стараться рассматривать слои земные, покрывающие рудные жилы; признаки, по коим до рудных жил доходят; разное жил наклонение, углубление, возвышение, пересечение, самое их смешение и какой именно камень или земля маткою оным служат; и все таковые замечания рачительно тебе вносить в записную книгу.

Г) Равным образом рассматривать тебе прилежно расположения и укреп-

¹ Цит. по работе М. И. Сухомлинова (Записки Акад. наук, т. 32, кн. 2, 1879). В Архиве АН СССР «предписание», данное В. М. Севергину, на которое ссылается М. И. Сухомлинов, не сохранилось, сохранились лишь «предписания» отправленным одновременно с В. М. Севергиным Павлову (астроном) и Захарову (химик).

ления рудников, махины, как вододействуемые, так и для поднятия тяжестей служащие; строение всех заводских печей; и вникать во все подробности заводские, выгоды и недостатки оных.

Н) При странствованиях твоих не упускать случаев испытать самим собою минеральные воды, осматривать каменоломни, записывать слои крутых осыпей; замечать пространства лица земного, множеством какового-либо ископаемого отменитых, как-то: песчаные, глинистые, мергелевые и пр., плоски ли они или возвышены, наблюдать сложение и протяжение гор и слияние разных пород ископаемых в каковой-либо горный состав, ибо таковые наблюдения более тебе со временем принесут пользы, нежели малые куски ископаемых, в собраниях хранимые.

Ж) Все таковые замечания вносить тебе в данную книгу и оную по прошествии года присылать в Академию как доказательство твоего по предписанию исполнения.

4) Кроме выше предписанных тебе главных упражнений, должен ты стараться усовершенствовать себя в свободных науках и тех языках, коим ты здесь уже твердое положил основание.

5) Когда приступать будешь к прохождению каковых-либо профессорских наставлений, то об оных уведомлять тебе Академию заблаговременно; и без позволения Академии из Геттинга в другие университеты не отъезжать, но представить сие попечению Академии, которая, смотря по надобностям и успехам твоим (о коих, как и о всем прочем, должен ты через каждые четыре месяца присылать в Академию донесения и свидетельства от тамошних господ профессоров), сама сего предписать не оставит.

6) Академия за благо рассудила поручить надзирание за поведением твоим г. доктору Виллиху, коему ты должен оказывать благопристойное послушание и почтение.

7) На все твое содержание в Геттинге имеешь ты получить от Академии по 300 рублей в год, которые располагать так, чтобы оных на все твои потребности, на покупку нужных книг и плачение за наставления г. профессорам доставало, и в долги ни под каким видом не входить, ибо Академия оных платить за тебя не будет.

8) На определенное тебе жалование по третям года будешь ты получать вексели на твое имя, но если Академия уведомлена будет о небрежном твоём с деньгами обхождении, чему непременно следствием бывает развратная жизнь и трата невозвратного времени (хотя Академия сему от тебя быть не надеется), то в таком случае возвращен ты будешь обратно безвременно и подвергнешься строгому взысканию. Точное же исполнение всего предписанного составит собственное твое благополучие.

Это замечательное наставление показывает, на каком высоком уровне находилась по тому времени подготовка молодых ученых в России. Ясно видно стремление воспитать не кабинетного ученого-схоласта, а человека, умеющего прежде всего наблюдать природу, интересоваться не «философскими категориями», а практическими запросами и выводами науки, могущими оказаться полезными для развития горного дела и промышленности своего отечества. В этой программе, напоминающей о строгой научной дисциплине и ответственности, отразилась сущность материалистического подхода к познанию природы, характерного уже для первоначального этапа русской науки. Подчеркивается, что в истинной науке приматом является точное, собственное и непосредственное научное наблюдение факта, связь его с запросами и нуждами практики и широкое философское познание явлений природы в целом, а не только в рамках узкой специальности.

Если вспомнить, что эта программа датируется 1785 г., когда в среде европейских ученых в значительной мере еще царил метафизический,

а частью и мистико-схоластический подход к объяснению явлений природы, научные сведения по естественной истории черпались, часто без достаточной критики, еще из книг Кая Плиния Секунда, когда за основу бралось априорное рассуждение, а не наблюдение, — станет явным поразительно высокий уровень науки и научного метода в России.

Восьмого июля 1785 г. В. М. Севергин и три его товарища — Алексей Кононов, Яков Захаров и Григорий Павлов отплыли из Петербурга в Любек на корабле «Река Нева» корабельщика Зегера для дальнейшего следования в Геттинген¹. По прибытии в Геттинген они приступили к занятиям в университете под общим надзором и кураторством проф. Виллиха. Непосредственно занятиями студентов руководили профессора Г. Лихтенберг (физика и астрономия), И. Ф. Гмелин (химия, естественная история), А. Кестнер (математика) и другие и были довольны их успехами в науках и поведением, о чем неоднократно доводили до сведения Академии наук.

В. М. Севергин вел скромную жизнь студента, о чем свидетельствуют как отзывы Виллиха, так и размеры долга, сделанного им за все время (три с половиной года) пребывания в Геттингене. Из жалобы в Академию купца Ивана Иордана² следует, что этот долг равнялся всего 29 рублям, не уплаченным «за сахар, кофей и тому подобные мелочные товары». Помимо занятий в университете В. М. Севергин, по-видимому, часто совершал экскурсии в окрестности Геттингена, наблюдая и изучая геологические взаимоотношения пород (что отражено в его первой работе о базальте), посещал рудники, металлургические заводы, прилежно изучал химию солей (первая его работа — по химии и свойствам щелочных солей), технологию и т. д. Вместе с тем он добросовестно знакомился с уровнем и направлением развития европейской науки, несомненно, был знаком с новейшими, широко развитыми тогда в Германии геологическими идеями и минералогическими работами Г. Вернера, но главным образом, по-видимому, руководствовался указаниями И. Ф. Гмелина, которого считал как своего учителя и о котором впоследствии писал: «Г. Доктор и надворный советник Гмелин, муж обширнейших сведений. Профессор химии в Геттингенском университете; у него учился я химии, минералогии и металлургии. Как сие (речь идет о «Технической химии» издания 1786 г. — Г. Б.), так и все другие его сочинения писаны с редкою точностию, рачением и пронизательностию; трудолюбие и обширные его сведения видны повсюду; для сего стоит мне только привести четыре драгоценные его сочинения... Столь же достохвальную рачительность прилагает он и в своих наставлениях и всегда отличает и поощряет тех учеников, в коих он примечает склонность к сим наукам, так что едва ли кто из учеников его без чувствительнейшей благодарности к нему быть может. Некоторые его сочинения были оуждаемы, но был ли хотя один достойный муж, коего бы зависть и злоба жалом своим уязвлять не покушались?» (1791, кн. II, стр. 118).

Занятия в Геттингене продолжались три года, по истечении которых В. М. Севергин должен был отправиться для окончания знакомства с наукой того времени в Европе, в другой крупнейший научный университетский центр — Эдинбург. Несомненно, поездка в Шотландию, страну гор, могла дать много полезных наблюдений над геологическим строением

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 327. Дело № 21, начато 1785 г. июля 13 дня, «Об отправлении в Геттинген студентов Павлова, Коконова, Севергина и Захарова для обучения наукам, о пересылке им жалования и возврате их обратно в Петербург, так о вычете у них сделанных долгов. Кончено 1794 г., февраля 28 дня». См. донесение Ив. Лепехина Е. Р. Дашковой, также рапорт смотрителя училища Зурландад и р.

² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 327.

горных систем, ознакомить с рудниками и минералами Шотландии пытливого естествоиспытателя-минералога. Все складывалось как будто бы отлично. Из Академии был получен «ордер», датированный 12 июля 1788 г., следующего содержания¹:

«Ордер находящимся в Геттингене императорской Санктпетербургской Академии наук студентам Алексею Кононову, Якову Захарову и Василью Севергину.

При сем посылается к Вам вексель суммою в 180 р. на путевые издержки в Шотландию, то есть на каждого из Вас по 60-ти рублей, с таким притом предписанием, чтобы Вы по получении сего старались не пропустить первого удобного случая к отъезду Вашему из Геттингена, как за способнее найдется, в Гамбургу, а оттуда в Единбург морем». Далее следовали наставления о правилах поведения и строгое предписание ехать куда приказано.

В Европе в то время назревали грозные события. Франция была накануне революции, нанесшей жестокий удар аристократическим монархиям всех стран, призывавшей к прогрессу, свободе и равенству всех сословий. Приближение этих событий, повернувших политические и культурные судьбы Европы на новый путь, начало явственно ощущаться уже в конце 1788 г. «Разложение умов», охватившее Европу, должно было сказаться на мировоззрении русской молодежи, находившейся в Европе, и императорский двор Екатерины II, давно уже переставшей рисоваться либеральным вольнодумством «просвещенной монархии», состоящей в дружеской переписке с Вольтером, Дидро и Монтескье, пришел в волнение. 18 сентября 1788 г. последовала отмена распоряжения о поездке в Единбург и дан строгий приказ, за подписью директора Академии Е. Р. Дашковой, немедленно возвращаться в Петербург. На просьбы студентов о позволении направиться в Шотландию или задержаться некоторое время в Европе категорически приказано было, без объяснения причин, следовать в Петербург, и В. М. Севергин в марте 1789 г. возвратился в Академию наук.

По возвращении из-за границы молодой ученый представил отчет о своих занятиях и подвергся испытанию в приобретенных познаниях перед строгой комиссией экзаменаторов, состоявшей из академиков И. Лепехина (ботаника), П. Палласа (геология и зоология), И. Георги (химия и минералогия) и Крафта (физика и химия). В. М. Севергиным были также представлены первые самостоятельные научные работы в форме диссертации на латинском языке: «О минеральной природе и способах образования базальта» («Specimen mineralogicum de naturae et origine basaltis») и «О химической природе и разграничении щелочных солей» («Specimen chemicum de naturae et differentia salium alcalinorum»). О первой работе П. Паллас дал блестящий отзыв и рекомендовал В. М. Севергина, как достойного сочлена, в Академию. В отзыве² П. Паллас пишет, что мемуар, который он «имеет честь возвратить в Академию», настолько хорош для молодого ученого и по стилю и по содержанию, что если бы он не слышал отзывов Севергина на экзаменах, то принял бы его за работу опытного и зрелого ученого. Блестящий отзыв И. Георги получила также работа В. М. Севергина по химии солей. Все это позволило И. Лепехину сделать представление директору Академии о назначении В. М. Севергина, с жалованием в 360 руб. в год, адъюнктом Академии наук по кафедре минералогии, которое и состоялось 26 июля 1789 г., что отмечено в журнале Акаде-

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 327.

² На французском языке. Хранится в Архиве Академии наук СССР.

ми. С этого времени и до конца его жизни вся научная деятельность В. М. Севергина протекала в стенах Академии наук.

Начало работы В. М. Севергина в Академии совпало с новым этапом в развитии русского естествознания. Закончилась эпоха крупнейших естественнонаучных и географических экспедиций, преследовавших цели первоначального изучения природных богатств страны.

На государственные средства были организованы экспедиции Д. Месершмидта, В. Н. Татищева, В. Геннина, И. Гмелина. Государственный надзор и разработка горных промыслов осуществлялись через Берг-коллегию и местные горные управления на Урале, в Сибири, в Олонецкой и других губерниях России. Однако сосредоточение горных богатств в управлении императорского двора вскоре пришло в противоречие с интересами правящих классов. Желание личного обогащения сталкивалось с интересами государства в целом, и после смерти Петра I началась ломка установившихся государственных экономических форм. Берг-коллегия была упразднена (1736), железные рудники Урала (гора Благодать), рудники Олонецкой губ. и другие попали в руки Бирона и его ставленника Курта фон Шемберга, а в 1739 г. был издан новый берг-регламент, по которому заводы и рудники на льготных условиях раздавались представителям правящей аристократической верхушки. Фамилия Шуваловых захватила гороблагодатские и турьинские заводы, Чернышевы — юговские заводы, Гурьев — алапаевские, Ягужинский — сылвинские и уткинские, Воронцовы — пермские. Фактически все горнозаводское дело на Урале перешло в частные руки, и влиятельные новые владельцы заводов под предлогом расширения горного дела добились казенных ссуд и приписки к заводам огромных земель и крестьян, отданных в крепостную зависимость высокопоставленным заводчикам.

При феодально-крепостнической системе хозяйства более выгодным оказывалось разрабатывать новые богатые месторождения, чем развивать сложное индустриальное производство на крупных старых рудниках. Вследствие этого научные интересы этого периода (1768—1774), естественно, были направлены главным образом на региональное исследование обширных пространных России. Непосредственным поводом для организации крупнейших экспедиций в этот период было, как известно, астрономическое явление — прохождение Венеры через солнечный диск 3 июля 1769 г. Наблюдения, проведенные в разных точках земного шара, позволили с особой точностью определить расстояние между Землей и Солнцем. Однако эта узкая задача была только предлогом, и экспедиции переросли в крупнейшие естественноисторические и географические исследования новых торговых путей и сырьевых ресурсов обширных северо-восточных, восточных и южных провинций России. Материалы этих многолетних экспедиций, собранные главным образом русскими учеными (Н. Рычков, В. Зуев, Н. Соколов, И. Лепехин, Н. Озерецковский и др.), а также приглашенными в Академию наук иностранцами (П. Паллас, С. Гмелин, И. Гильденштедт, И. Фальк), оказали большое влияние на развитие не только русской, но и мировой науки.

Однако выдающиеся успехи русской науки, достигнутые в 60-е — 70-е годы XVIII в., не развивались далее; экспедиции были свернуты, и дальнейшая работа в этом направлении оказалась не под силу пришедшей в упадок экономике государства. Императорский двор отпуская средства только на поиски и добычу драгоценных камней, удовлетворявших пышному тщеславию екатерининского двора.

Недостаток денежных средств сказался и на работе Академии наук в целом. Основанная Ломоносовым химическая лаборатория, пострадав-

шая от наводнения 1777 г., приходит в упадок. Крупнейшие ученые, сделавшие большой вклад в науку исследованием пространств нашей родины, занимались только систематизацией накопленных материалов, обработкой дневников своих путешествий (Паллас, Георги, Лепехин), составлением каталогов коллекций и их описанием. Новые региональные исследования ограничиваются небольшими поездками Э. Лаксмана на Валдай и в Олонецкую губ., В. Зуева — в южные провинции России (1778—1779), П. Палласа — в Крым (1793—1794), Н. Озерецковского — в районы Онежского и Ладожского озер (1785). Русская наука, в том числе и минералогия, начинает идти по пути развития обобщений, вытекающих из систематизации и обработки материалов, накопленных в результате широких региональных исследований. Создается и развивается новая форма организации научной работы — кабинет естественной истории, музей. Минеральные кабинеты Академии наук, Вольного экономического общества и музей Горного училища становятся центрами развития геологических наук в Петербурге, а музей Московского университета — в Москве. Наряду с этим передовые ученые того времени (Н. Озерецковский, И. Лепехин, Н. Соколов, И. Георги, П. Паллас и др.) стремятся сделать науку и просвещение широким достоянием русского общества, поставить ее на службу интересам отечества, привлекая в науку через горные и народные училища, академическую гимназию и университет, Вольное экономическое общество и другие учреждения энергичных и способных людей из числа мелких чиновников, вольных крестьян, солдатских детей.

В этот период началась самостоятельная научная работа и В. М. Севергина. Отлично понимая пользу науки для культурного развития страны и ее экономического благосостояния, В. М. Севергин с самого начала своей деятельности выступал как неутомимый пропагандист и популяризатор минералогии — науки, тогда мало еще кому известной.

Публичные лекции русских академиков на различные темы привлекали в то время внимание всего культурного общества. Блестящий оратор, В. М. Севергин, излагавший к тому же предмет простым, доступным широким кругам языком, сумел заинтересовать общество. Лекции, читанные им в Академии наук в 1792—1793 и 1797—1800 гг., а также лекции по минералогии в Медико-хирургической академии, по пробирному искусству в Горном институте (1798—1801) способствовали широкому распространению минералогических знаний в нашем отечестве. Успех публичных лекций В. М. Севергина был настолько велик, что именно за это в 1793 г., по представлению директора Академии наук княгини Дашковой, он был произведен в профессора минералогии, а затем избран первым академиком по этой дисциплине. «В прошлом 1792 году адъюнкт Василий Севергин читал публичные лекции по минералогии и доказал знания свои в сей науке так, что вся публика, которая пользовалась его наставлениями, отдает справедливость в его знаниях, к чести Академии служащие»¹. Таким образом, в возрасте 28 лет В. М. Севергин (одновременно с Т. Ловитцем) вошел как полноправный член в число крупнейших ученых-натуралистов Академии наук.

В этот же период В. М. Севергин подготовил и издал первую книгу своих капитальных трудов по минералогии — «Начальные основания естественной истории, содержащая царства животных, произрастаний и ископаемых», вышедшую в 1791 г. В части I и II книги содержится описание минералов и частично горных пород (в то время часто не разграничивавшихся от собственно минералов), входящих в разделы «солей», «камней»

¹ Архив Конференции Академии наук 6 мая 1793 г.

и «земель» по принятой тогда классификации. Изложенный в нем материал представляет собой первый опыт создания общей минералогической литературы на русском языке, отражающей определенное направление, наметившееся в русской науке, а также и сумму накопленных в России минералогических знаний.

В. М. Севергин, тогда еще 26-летний адъюнкт, естественно, следует в расположении материала и частью в тексте западноевропейским образцам (Г. Кирвану, А. Кронштедту). Однако, по существу, как эта его книга, так и многие другие, написанные впоследствии (см. список трудов В. М. Севергина), являются не просто переводами, как иногда указывается, а оригинальными исследованиями, отражающими самобытность и самостоятельность русской минералогической мысли. Это особенно наглядно видно в предисловии, где В. М. Севергин излагает ряд собственных мыслей о значении минералогии, существе ее предмета, целях, задачах и путях дальнейшего развития. В многочисленных примечаниях (например, о базальте, стр. 235; о добровольном разрушении камней через долговременное лежание на воздухе» и т. д.) высказываются оригинальные мысли, оказавшиеся в дальнейшем правильными, о происхождении горных пород, о процессах разрушения и цементации минералов. Здесь раньше многих европейских ученых, намечается необходимость развития химического направления в минералогии и делается попытка внесения химических идей в чисто описательные системы минералов, составляющие содержание минералогии в понимании Г. Вернера и других европейских ученых. В общей части трактуется понятие о минерале, дается определение «землям, солям, горючим и металлическим телам», перечисляются известные тогда «земли» и «металлы», разбирается химическое сродство «земель» между собою, разница между химическим соединением и механической смесью, т. е. вопросы, наиболее существенные для дальнейшего развития минералогии.

Большое внимание как в этой книге, так и в вышедших позднее уже полностью оригинальных «Первых основаниях минералогии» (1798), уделяется указаниям нахождения минералов в месторождениях России, что указывает на основательное знакомство В. М. Севергина с материалами экспедиций и большую работу над минеральными собраниями Академии наук, Вольного экономического общества, Берг-коллегии и др. Эти работы В. М. Севергина являются, по-существу, первыми оригинальными русскими трудами по минералогии во всем объеме науки и, несомненно, наряду с работами М. В. Ломоносова, должны быть признаны основой, на которой в дальнейшем развивалась русская минералогическая школа. До этого для широких кругов доступны были только переводы «Минералогии» Валлерия (сделан Шлаттером в 1763 г.), «Минералогии» Лемана (сделан А. Нартовым в 1772 г.), сочинение о драгоценных камнях Брикмана (перевод Беспалова, 1779 г.), разумеется, не отражавшие нового прогрессивного развития русской минералогии.

С самого начала своей научной деятельности В. М. Севергин стал одним из наиболее деятельных членов Вольного экономического общества, возникшего в Петербурге с целью «поощрения в России земледелия и экономии». В сентябре 1791 г. он вступил в число членов этого общества и активно работал в нем до самой своей смерти (1826 г.). Основанное в 1765 г. Вольное экономическое общество было своеобразным центром научно-прикладных знаний, удовлетворявшим нужды и практические запросы промышленности и экономики, развившихся в первые десятилетия царствования Екатерины II. Членами общества состояли представители аристократии, заинтересованные в развитии производства принадле-

жавших им рудников и земельных угодий, а также крупнейшие ученые того времени — И. Лемаи, И. Фальк, химик Модель, президент Бергколлегии А. Нартов и другие. Здесь же объединялась деятельность практических работников горного дела, публиковавших в «Трудах» общества свои наблюдения и результаты технических усовершенствований в горном деле.

Эта практическая направленность науки на усовершенствование и развитие отечественной экономики целиком отвечала научному мировоззрению В. М. Севергина. В «Трудах Вольного экономического общества» он печатает многочисленные статьи по самым различным вопросам минералогии, химии и технологии минерального сырья. Он описывает свойства и признаки «разных пород глины» (1792), применение и устройство паяльной трубки Дальгрена (1792), принимает участие в объявленных обществом конкурсах на наилучшее разрешение проблемы очистки минеральных щелочных солей (1796). В годы Отечественной войны 1812 г. он, как большой патриот, разрабатывает способы легкой добычи селитры, столь необходимой для изготовления пороха. В. М. Севергин приводит в порядок Минеральный кабинет общества, жертвуя ему часть своих коллекций, состоит хранителем этого кабинета, исследует присылаемые обществу образцы руд и т. д.

Не менее плодотворную и кипучую работу по внедрению практических результатов науки и научных открытий ведет В. М. Севергин и в стенах Академии наук. С 1791 г. он занимается приведением в порядок и пополнением Минерального кабинета (впоследствии Минералогического музея) Академии наук. Сохранившиеся коллекции Себа и Готвальда, купленные в 1716 г. Петром I, а также коллекции смотрителя Кунсткамеры Арескина, образцы, полученные во время первых путешествий Д. Мессершмидта по России, равно как и материалы, поступившие из Берг-коллегии, сильно пострадали при пожаре Кунсткамеры в 1748 г. Впоследствии Минеральный кабинет пополняется новыми коллекциями (Генкеля, Нартова, материалы академических экспедиций 1768—1774 гг.), количество которых к началу работы В. М. Севергина (1791) достигло 9,5 тыс. экз. Все коллекции, расположенные работавшими над ними Ренованцем, Фербером, Георги и Зуевым по системе Валлерия, помещались в одной комнате. В. М. Севергин, которому академик Н. Озерецковский поручил надзор за минеральными коллекциями, стал вести энергичную работу по проверке старых каталогов, разбору, пополнению и усовершенствованию коллекций. Благодаря его стараниям к 1814 г. в коллекциях насчитывалось до 20 тыс. образцов и они значительнополнились русскими минералами. Минеральный кабинет получил три большие комнаты.

Работа над минералами и системой их экспозиции проводилась в свете новых идей в минералогии как самого В. М. Севергина, так и крупнейших ученых Европы — Гаюи, Клапрота, Бергмана. Интересующиеся минералогией могли знакомиться с прекрасными коллекциями, расположенными в четырех отделах: систематическая коллекция минералов России; систематическая коллекция иностранных минералов; учебная коллекция, расположенная по системе Гаюи; коллекции по региональной минералогии России. Как видно из этого краткого перечня, Минеральный кабинет Академии наук по содержанию и по научной направленности не только отвечал современному уровню науки, но и отражал характерную тенденцию русской науки к познанию региональной минералогии своего отечества. Усовершенствованием Минерального кабинета В. М. Севергин занимался и позднее; приобретались новые коллекции, шло пополнение отечественными минералами, а в 1820 г. кабинет переносится в обширную нижнюю залу здания Кунсткамеры.

В 1803 г. по инициативе В. М. Севергина организуется одно из культурнейших начинаний — издание «Технологического журнала», утвержденное новым уставом Академии наук. «Технологический журнал», бессменным редактором которого до самой смерти состоял В. М. Севергин, имел целью издавать «собрание сочинений и известий, относящихся до технологии и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению». В этом замечательном журнале, оказавшем огромное влияние на распространение научных и практических знаний в России, было напечатано за период 1803—1826 гг. (включая «Продолжение «Технологического журнала») около 180 отдельных статей, заметок и переводов, сообщений о зарубежных новинках в области горного дела, минералогии, химии и техники, написанных самим Севергиным. В них находим мы описание отдельных минералов (о криолите, 1806 г.; о различных видах агата, 1805—1806 гг.; о горных породах Арарата, 1806 г.; о некоторых новооткрытых минералах, 1808 г. др.) и описания различных заводов и способов переработки руд в России и за границей; химические рецепты «к очищению и добытию отдельных металлов, серы, солей»; сведения исторического порядка о драгоценных камнях, о производстве карандашей и т. д.

Желая помочь путешественникам — исследователям минеральных богатств родной страны, В. М. Севергин в 1816 г. издает «Новую систему минералов...» — книгу, являющуюся первым русским определителем минералов по внешним признакам и едва ли не первым такого рода сочинением в мировой литературе. Эта же задача выполняется им и в многочисленных, сохранившихся в Архиве Академии наук¹ «Наставлениях» путешественникам, отправлявшимся в Китай (1803), в «Бухарию» (теперь республика Средней Азии; 1802), корреспонденту Академии наук Эттеру, ехавшему в Англию (1813), и т. д.

Необходимость изучения богатств своей родины В. М. Севергин пропагандировал неустанно в течение всей своей жизни. «Пространное государство Российское столь изобилует различными природы произведениями, что требует токмо поощрения и рук трудолюбивых для доставления их в достаточном количестве в замену иностранных», — пишет В. М. Севергин в записке, представленной Академии наук в 1805 г. Он является прямым продолжателем дела М. В. Ломоносова, наметившего в 1763 г. замечательный план создания топографической минералогии России. В. М. Севергин выполнил этот завет Ломоносова.

Используя материалы, накопленные в путешествиях XVIII в. по России, а также архивы Берг-коллегии, Вольного экономического общества, сведения, имеющиеся в каталогах руководимого им. Минерального кабинета Академии наук, В. М. Севергин собирает обширные данные по минералогии России. Во время поездки его в Финляндию (1804 г.), Белостокскую область (1802 г.), Эстляндию (1808 г.), а также в Новгородскую, Витебскую, Псковскую и Могилевскую губернии для ревизии народных училищ (1802 г.), он собрал интересный материал для опубликованных позднее «Записок путешествия по западным провинциям Российского государства» (1803 и 1804), а также для подготовляемой им большой работы. В 1809 г. В. М. Севергин закончил «Опыт минералогического землеописания государства Российского» в двух томах, объемом 502 стр. В этом капитальном сочинении собрано все, что было тогда известно о местонахождении и добыче минералов в России.

В последние 20 лет своей работы В. М. Севергин большое внимание уделял созданию так называемых словарей, представлявших собой, собствен-

¹ Архив Академии наук, разр. V, оп. 1-С, № 9; там же, картон 20, 21, 26.

но, краткие энциклопедии и справочники по историческим или практическим вопросам той или иной отрасли науки. Эти «словари» и близкие к ним по задачам сочинения имели целью ознакомить широкий круг людей с научными и практическими знаниями и, с другой стороны, установить терминологию и дать единообразное изложение большого фактического материала, часто осложненного многочисленными запутанными терминами. И в этих изданиях проявляется характерная для всего творческого пути В. М. Севергина склонность прежде всего к минералогии, а также к химии и технологии. В 1807 г. выходит капитальный «Подробный словарь минералогический» в двух томах, содержащий исторические сведения о минералах, местах их нахождения, употреблении, номенклатуре и т. д., не потерявшие интереса и до настоящего времени. В 1810—1813 гг. выходят четыре тома книги «Словарь химический, содержащий в себе теорию и практику химии с приложением ее к естественной истории и искусствам». Словарь создан на основе перевода французского сочинения Шарля Луи Кадета, однако, что всегда характерно для В. М. Севергина, содержит столько дополнений, примечаний, оригинальных мыслей и данных, что никак не может считаться просто переводом. В этом словаре В. М. Севергин пользуется уже достаточно четкой, созданной им русской химической терминологией, которая в значительной мере сохранилась и в современном научном языке. Из подобных справочников по технологии металлургических и иных процессов и по пробирному искусству наибольший интерес представляют «Пробирное искусство, или руководство к химическому испытанию металлических руд и других ископаемых тел» (1801) и «Начертание технологии минерального царства. Том первый» (1821). Первая книга, вероятно, является дополненным курсом лекций, читанных В. М. Севергиным в Горном институте в 1798—1801 гг.

Большую научно-организационную работу вел В. М. Севергин в самой Академии наук. Крупнейший русский ученый заслужил своими трудами и энергией, направленной на пользу развития русской науки, уважение в среде академиков. Шесть раз, на двухлетние сроки, в 1805, 1808, 1812, 1815, 1818, 1824 гг. он избирался членом Комитета правления Академии наук. Все русские научные общества и многие иностранные избрали его своим членом. Вот извлечение из краткого формулярного списка прохождения службы В. М. Севергина после окончания им учения в России и за границей¹: «1789 г., июля 26. Наименован адъютантом. 1791 г., сентября 19. Избран в члены С.-Петербургского Вольного экономического общества. 1793 г., мая 16. Академиком минералогии. 1795 г., сентября 13. Геттингенского ученого общества корреспондентом. 1795 г., сентября 29. Членом... Российской академии. 1798 г., февраля 20. Членом Общества земледелия в Лондоне. 1799 г., мая 3. Членом Минералогического общества в Иене. 1801 г., ноября 4. Стокгольмской академии членом. 1803 г. членом императорского Виленского университета. 1804 г., октября 15. Членом Физико-медицинского общества в Москве. 1805 г., августа 20. Членом общества естествоиспытателей в Москве. Избран членом Комитета правления Академии наук на два года. 1807 г., августа 9. Членом Медицинского совета. 1808 г., октября 26. Вторично избран членом Комитета Академии наук на два года. 1808 г., ноября 30. Членом общества естественных наук в Гаунау. 1811 г., марта 20. Членом Вернерианского общества натуральной истории в Эдинбурге. 1812 г. В третий раз избран членом Комитета правления Академии наук на два года. 1814 г. Членом... Медико-хирургической академии. 1815 г., августа 16. В четвертый раз избран членом Ко-

¹ Цит. по М. В. Сухомлинову. Записки АН, т. 32, кн. II, 1879.

митета правления Академии наук на два года. 1817 г., октября 31. Почетным членом Минералогического общества в С.-Петербурге. 1818 г., августа 18. Избран в пятый раз членом Комитета правления Академии наук. 1819 г., февраля 12. Почетным членом... Московского университета. 1819 г., марта 29. Почетным членом Фармацевтического общества в С.-Петербурге. 1824 г., августа 18. Избран в шестой раз в члены Комитета правления Академии наук на два года».

Огромная научная и общественная роль В. М. Севергина может быть достаточно ясно понята даже только при чтении приведенного сухого формулярного списка. В Архиве Академии наук СССР, в протоколах Конференции за 1806—1813 гг., в многочисленных записках, рапортах и т. д.¹ сохранилось огромное количество отзывов В. М. Севергина на представленные ему работы, программы очередных сборников «Технологического журнала» и других изданий, заявления о необходимости приобретения коллекций (Хвостова, Цетти, Ципсера и др.), отчет о редактировании «Записок ученых путешествий» и т. д., свидетельствующих об активном участии его в жизни Академии наук.

Однако, несмотря на внешний почет, уважение со стороны коллег и «благоволение» двора, выразившееся в награждении орденами и повышении в чинах, материальное положение этого выдающегося ученого было далеко не обеспеченным. В. М. Севергин жил на скудное жалование академика — 600 руб. в год. Вследствие этого он был вынужден постоянно просить Академию наук о денежной помощи. Так, например, в 1799 г. В. М. Севергин подает прошение о прибавке ему квартирных денег до 200 руб. в год, как получали все другие академики². В 1824 г. он был вынужден просить о единовременном денежном пособии (для расплаты с долгами), которое и было ему утверждено в размере 3000 руб. Напряженная работа и необеспеченное материальное положение сказались на здоровье В. М. Севергина. В начале 1826 г. он почувствовал себя настолько плохо, что был вынужден просить об освобождении его от административной должности в Академии наук. «В Ученое собрание императорской Академии наук. Прошение. По слабости моего здоровья покорнейше прошу оное собрание уволить меня от звания и должности члена Комитета правления Академии наук, тем паче, что я и, кроме того, довольно имею занятий по другим поручениям Академии. Академик Василий Севергин. Февраля 8-го дня 1826 г.»³. Однако здоровье В. М. Севергина продолжало ухудшаться и 17-го ноября 1826 г. В. М. Севергин скончался. Семья В. М. Севергина, по-видимому, осталась без всяких средств, так как Конференция Академии наук была вынуждена просить у императорского двора о выдаче единовременной пенсии жене ученого в размере половины его годового жалования⁴.

Русская общественность, потерявшая в лице В. М. Севергина крупного ученого-минералога и общественного деятеля, своими трудами широко способствовавшего развитию естественноисторических и прикладных знаний, горячо откликнулась на смерть труженика науки. Журнал «Северная Пчела» и газета «Санкт-Петербургские ведомости» поместили некрологи, отдающие дань значению В. М. Севергина для развития русской науки:

«17-го сего месяца, в два часа пополудни, скончался здесь, на 62-ом году от рождения, по долговременной болезни, известный российский

¹ Архив АН СССР. Протокольные бумаги за 1806—1813 гг.; ф. 1, оп. 2 за 1806, 1818, 1819 гг. и др.

² Архив АН СССР, разр. V, оп. 1-С, № 9.

³ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2, 1826 г., § 56.

⁴ Архив АН СССР, разр. V, оп. 1-С, № 9.

минералог, г. действительный статский советник и кавалер Василий Михайлович Севергин, с 1789 года¹ член императорской Академии наук, как и многих других ученых обществ. Многочисленные сочинения его доказывают столько же неутомимую его деятельность, как и отличную ученость, и ставят его наряду со знаменитейшими отечественными учеными. В нем науки лишились усердного почитателя, Академия — трудолюбивейшего и достойнейшего члена, а отечество — мужа, коего имя в летописях литературы его останется неувыдаемым. Подробное известие о жизни и ученых трудах его будет пропечатано в истории Академии на сей 1826 год². («Санкт-Петербургские ведомости», № 94. Вторник, ноября 23 1826 г.)

«Сего ноября 17-го скончался здесь, в Санкт-Петербурге, императорской Академии наук академик, действительный статский советник и кавалер Василий Михайлович Севергин, на 62-м году от рождения. Общепольными трудами и сочинениями своими по части химии и минералогии воздвиг он себе несокрушимый памятник в Отечестве», — писал журнал «Северная Пчела» (№ 141 за 1826 г.), отдавая дань трудам и заслугам этого замечательного русского ученого.

Похороны В. М. Севергина состоялись на Смоленском кладбище в Петербурге. На могиле его стоял скромный памятник с надписью, сделанной неизвестным другом-поэтом. («Петербургский некрополь», т. IV, СПб., 1913, стр. 44):

Ты мертв, но добрые дела твои не мертвы.
Утешаны тобой, тебе воздвигнут жертвы,
И воскурившийся до облак фимиам
Пред богом возвестит хвалу твоим делам.

¹ Здесь ошибка в дате.

² По неизвестным причинам, несмотря на объявление о том же непременно секретарем Академии наук Фуссом в Конференции Академии, этого сделано не было.